

богъ по усвоенію личности Богочеловѣка. Это сужденіе о соборѣ 553 года цѣнно потому, что оно, такъ сказать, однимъ взмахомъ обрываетъ почву всѣхъ нареканій, какія раздаются по адресу этого собора.

Затѣмъ, разсматривая сочиненіе г. Спроткина, какъ первый опытъ научной работы его, мы считаемъ должнымъ отмѣтить достоинство его и съ научно-технической стороны. Авторъ справедливо жалуется на трудность своей задачи (28—29). VI вѣкъ пока принадлежитъ еще къ тѣмъ эпохамъ церковной исторіи, которыя недостаточно изучены даже со стороны своего матеріала, въ которыхъ множество вопросовъ еще ждутъ начальнаго изслѣдованія. Безпомощнымъ, конечно, авторъ не оставался и здѣсь, тѣмъ не менѣе на его долю выпало не мало черновой, первичной работы, гдѣ онъ долженъ былъ идти самостоятельно. Должно сказать, что въ этомъ отношеніи авторомъ сдѣлано все, что можно требовать въ предѣлахъ имѣвшагося въ его распоряженіи времени. Онъ хорошо ознакомился съ историками и хронистами, касающимися VI вѣка, изучилъ догматическую литературу того времени, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе замѣчательныхъ проявленіяхъ ея, въ особенности же внимательно ознакомился съ памятниками богословской производительности Юстиніана. Сочиненіе его вообще свидѣтельствуешь о томъ, что почва историческаго изученія изслѣдована имъ добросовѣстно.

Обладая положительными достоинствами, сочиненіе г. Спроткина не свободно и отъ столь же существенныхъ недостатковъ. И прежде всего, отвѣчая на поставленный выше вопросъ, насколько автору удалось выдержать свою точку зрѣнія, развитую во введеніи къ сочиненію, мы должны высказаться отрицательно. Отнюдь не отвергая возможности и даже научной правоспособности въ воззрѣніи на церковную исторію, какъ на борьбу и развитіе организмовъ, слагающихся изъ своеобразной комбинаціи Божественнаго и человѣческаго элемента, должно замѣтить, что это воззрѣніе примѣнимо и плодотворно лишь до той мѣры, пока исторія церкви разсматривается въ цѣломъ, во всѣхъ сторонахъ проявленія церковной и религіозной жизни христіанина. Тогда, дѣйствительно, можно говорить объ организамахъ, какъ своеобразномъ воплощеніи христіанства не только въ мысль или

слово, но и жизнь известной части человечества. Но задача сочинения г. Сироткина уже. Оно имѣетъ дѣло лишь съ догматическими движеніями, т. е. съ теоретической обработкой христіанскаго ученія, съ усвоеніемъ христіанства только въ созерцаніи и мысли. И здѣсь, конечно, проявлялась своя, самобытная организація мысли, напр., Востока и Запада, но все-таки говорить объ организамахъ, какъ живыхъ факторахъ исторіи, да еще на психологической основѣ, становится невозможнымъ. Авторъ вездѣ выдерживаетъ свою терминологию, но повидимому онъ самъ чувствовалъ ея искусственность и въ одномъ мѣстѣ пришелъ къ печальному сознанию, что его организмы „ничто иное какъ направленія мысли“!! Такъ ему и слѣдовало бы говорить.—Не удалось, по нашему мнѣнію, выдержать автору и предположенную имъ психологическую постановку изслѣдованія. Правда, онъ много говоритъ о психологическихъ воззрѣніяхъ и стремленіяхъ VI вѣка, но изслѣдовать психологическій вѣкъ не значитъ вести изслѣдованіе психологически. Психологическая основа догматическихъ движеній вообще не выдвинута авторомъ на первый планъ, хотя въ его сочиненіи и встрѣчаются намеки на нее, а потому и догматическіе споры у него, какъ и у большинства другихъ, являются какими-то метафизическими словопреніями, за которыми не видно вѣрующей души христіанина. Несогласны мы и съ тѣмъ положеніемъ, какое даетъ г. Сироткинъ Юстиніану въ исторіи догматики VI вѣка. Допуская тривиальное сравненіе, можно сказать, что представляемое имъ Юстиніану положеніе напоминаетъ собой отношеніе... игрока къ билліарду: Юстиніанъ лишь свысока наблюдаетъ за движеніями шаровъ-организмовъ, направляетъ ихъ путь, удаляетъ лишніе и въ концѣ концовъ все направляетъ къ единству. Но, во-первыхъ, гдѣ же тутъ органическое пониманіе жизни?—а, во-вторыхъ, не будетъ-ли это представленіе объ Юстиніанѣ обидно для церкви его времени?—Далѣе. Самая постановка сочиненія требовала отъ автора тщательнаго ознакомленія съ внѣшними чертами событія, объективнаго воспроизведенія фактической его стороны, ибо только въ такомъ случаѣ достаточно обезпечивалась научная состоятельность синтеза фактовъ, предлагаемаго въ сочиненіи. Нельзя сказать, чтобы это требованіе вездѣ было выполнено авторомъ. Такъ напр., его сужденія

о собесѣдованіи съ северіанами въ 531 году не оправдываются документами; точно также и его упрекъ въ оригенизмъ по адресу соборовъ въ 541 и 553 годахъ едва-ли можетъ быть признанъ основательнымъ. Наконецъ, въ особенное порицаніе автору мы склонны поставить его чрезвычайно-искусственный, отвлеченно-схоластическій языкъ. Конечно, въ сочиненіи, изучающемъ исторію догматики, нельзя обойтись безъ извѣстной доли отвлеченности въ способъ выраженія, поскольку метафизика древнихъ составляла собою непремѣнную оболочку догматической мысли, но, во-первыхъ, авторъ безъ нужды увеличилъ метафизическую терминологию своихъ источниковъ, создавши, напр., такіе термины, какъ: „бытійное соединеніе природъ“, „бытійная потенціальная сила“, а во-вторыхъ, и тамъ, гдѣ дѣло вовсе не касалось изложенія собственно ученія или теоретическихъ воззрѣній, ввелъ свою искусственную терминологию, затрудняющую пониманіе его мысли. Такъ, вмѣсто церкви у него вездѣ „универсъ“, вмѣсто—группа, направленіе—„организмъ“; встрѣчаются такія выраженія, какъ: „универсальное раскрытіе по общему пониманію“, „фактъ творчества жизненной формулы христіанства и притомъ не по Христу, а Христа по жизни“, даже: „опредѣленный индивидуумъ индивида Христа“. Больно становится за русскую рѣчь!

Не смотря на эти недостатки, мы всетаки склонны относить работу г. Сироткина къ числу лучшихъ сочиненій, какія могутъ быть составлены на студенческой скамьѣ, и признаемъ автора вполне достойнымъ степени кандидата богословія“.

35. И. д. доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Славскаго Владиміра*: „Святыи Алексій, митрополитъ Всероссійскій“:

„Послѣ критики источниковъ (I) авторъ излагаетъ жизнь и дѣятельность св. Алексія: его жизнь до поставленія въ митрополиты и самое поставленіе (II), борьбу за нераздѣльность русской митрополіи (III), политическую дѣятельность святителя (IV и V), событія въ исторіи русской митрополіи въ концѣ правленія митрополита Алексія (VI), его отношеніе къ стригольникамъ и монашеству (VII), о посланіяхъ м. Алексія и о чудовской рукописи Новаго Завѣта (VIII), значеніе св. Алексія въ исторіи внутренняго управленія

русской церкви, судьбу его мощей и канонизацию свяителя (IX).

Автор основательно ознакомился съ источниками по своему вопросу и пользуется ими большею частью научно. По вопросу о житіяхъ митр. Алексія онъ между прочимъ основательно доказываетъ предположеніе, что краткое житіе свяителя, помѣщенное въ Воскресенской лѣтописи, не принадлежитъ епископу пермскому Питириму и не служило источникомъ для житія, написаннаго Пахоміемъ. Въ своемъ изложеніи событіи авторъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе греческимъ источникамъ—актамъ Константинопольскаго патріархата и, случается иногда, безъ нужды отвергаетъ показанія русскихъ памятниковъ. При сопоставленіи русскихъ свидѣтельствъ авторъ иногда измѣняетъ тѣмъ методологическимъ требованіямъ, которыя справедливо выставляетъ самъ въ другомъ мѣстѣ. Толкованіе нѣкоторыхъ фактовъ изъ жизни св. Алексія страдаетъ натянутостью. Есть у автора отступленія, изложеніе по мѣстамъ растянуто. Но вопросъ исчерпанъ имъ вполне. Видно основательное знаніе по вопросамъ прикосновеннымъ.

Въ общемъ сочиненіе г. Славскаго надо признать очень хорошимъ“.

36. Экстраординарнаго профессора Александра Шостыина о сочиненіи студента *Смирнова Алексія*: „Пастыри церкви Христовой во времена св. Григорія Богослова (по его твореніямъ)“:

„Сочиненіе г. Смирнова заключаетъ въ себѣ двѣ главы: первая (стр. 1—172) трактуетъ о *недостойныхъ* пастыряхъ временъ св. Григорія Богослова, вторая (стр. 173—389)—о пастыряхъ *добрыхъ* той же эпохи. Въ подробностяхъ этотъ планъ развивается слѣдующимъ образомъ: выясняя причины того явленія, что большинство пастырей во времена св. Григорія далеко не удовлетворяло высотъ своего призванія (гл. I, § 2), авторъ даетъ предварительно общую характеристику тогдашняго состоянія христіанскаго общества (§ 1), а потомъ и характеристику самихъ недостойныхъ пастырей по изображенію ихъ въ твореніяхъ св. отца (§ 3). Переходя затѣмъ къ характеристикѣ добрыхъ пастырей (гл. II, § 2), онъ говоритъ сначала о той умственно-образовательной и религіозно-нравственной подготовкѣ къ дѣлу

служенія, какую считали необходимою для себя эти пастыри (§ 1), и наконецъ о дѣятельности ихъ на пользу общецерковнаго мира и душевнаго спасенія отдѣльныхъ лицъ (§ 3—4).

Описаніе недостойныхъ пастырей дѣлается обыкновенно въ общихъ чертахъ безъ наименованія личностей; образъ добрыхъ пастырей иллюстрируется примѣрами свв. Аванасія Великаго, Василія Великаго, самого Григорія Богослова, Григорія—отца его и др.

Строго держась въ предѣлахъ своей темы, авторъ нашель возможнымъ ограничиться лишь тѣмъ матеріаломъ, какой представляютъ сочиненія св. Григорія Богослова; не затрагиваетъ онъ твореній другихъ святыхъ отцовъ изъ той же эпохи, не штудируетъ и произведеній повѣншей ученой литературы (кромя сочиненія А. Говорова: „Св. Григорій Богословъ, какъ христіанскій поэтъ“). При такой ограниченности матеріала, подлежаващаго изученію, можно было бы требовать отъ автора, чтобы этимъ матеріаломъ онъ пользовался въ нужныхъ случаяхъ по подлиннику. Къ сожалѣнію, онъ этого не сдѣлалъ (напр. на стр. 309; также на стр. 135—137).

При простотѣ и естественности общаго плана сочиненія, автору можетъ быть сдѣланъ упрекъ въ излишнихъ повтореніяхъ и въ спутанномъ изложеніи нѣкоторыхъ параграфовъ. Такъ напр., въ § 2 второй главы качества добрыхъ пастырей располагаются совершенно произвольно и безпринципно, такъ что послѣдующее можетъ быть переставлено на мѣсто предшествующаго и обратно, словомъ — главнѣйшее отъ второстепеннаго не выдѣлено (стр. 250—262).

Но въ общемъ должно признать, что авторъ отнесся къ работѣ серьезно: онъ внимательно изучилъ сочиненія св. Григорія Богослова (хотя и по переводу), извлекъ изъ нихъ все относящееся къ данному вопросу, сгруппировалъ это (за немногими исключеніями) въ удовлетворительномъ порядкѣ и изложилъ простымъ и правильнымъ языкомъ.

Для степени кандидата богословія эта работа достаточна“.

37. П. д. доцента Николая Городенскаго о сочиненіи студента *Старовѣрова Гаврила*: „Значеніе физическихъ и экономическихъ условій для нравственности“:

„Послѣ предварительныхъ замѣчаній, имѣющихъ цѣлю выяснить точку зрѣнія автора на нравственность, г. Старовѣровъ раскрываетъ значеніе въ образованіи характера и темперамента, какъ необходимыхъ предположеній нравственности, и вліяніе экономическихъ условій (тѣхъ или иныхъ формъ производства, потребленія, развитія экономической жизни) на развитіе нравственныхъ чувствованій и идей. Изслѣдованіе автора въ общемъ нужно назвать удачнымъ. Въ особенную заслугу ему должно быть поставлено стремленіе установить индуктивнымъ путемъ общіе законы взаимоотношенія явленій—физико-экономическихъ и нравственныхъ, хотя нельзя не прибавить, что качество научнаго матеріала, которымъ располагаетъ авторъ, не всегда даетъ право на такіе рѣшительные выводы, къ которымъ онъ склоненъ. Это особенно нужно сказать о 5 главѣ сочиненія, гдѣ авторъ говоритъ о томъ, какое вліяніе оказываетъ развитіе экономической жизни на нравственныя отношенія и понятія: большая часть обобщеній, которыя допускаетъ здѣсь авторъ, или прямо невѣрны или односторонни, и авторъ несомнѣнно воздержался бы отъ многихъ изъ нихъ, еслибы обладалъ большею осторожностью въ сужденіяхъ и болѣе разносторонними фактическими свѣдѣніями. Наконецъ, нельзя не упрекнуть автора за то, что онъ приписываетъ экономическому фактору первенствующее значеніе въ естественной исторіи нравственности, умаляя значеніе другихъ факторовъ безъ предварительнаго изслѣдованія ихъ важности и при помощи аргументовъ болѣе, чѣмъ сомнительнаго качества. Въ общемъ, однако, умѣлая постановка изслѣдованія, свидѣтельствующая о ясномъ сознаніи его научныхъ задачъ и средствъ къ ихъ разрѣшенію, значительная цѣнность достигнутыхъ результатовъ и удовлетворительная подготовка къ дѣлу позволяютъ назвать сочиненіе очень хорошимъ и признать автора заслуживающимъ степени кандидата“.

38. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Старокотлицкаго Константина*: „Очеркъ исторіи церковнаго судоустройства и судопроизводства въ Россіи“:

„Названное сочиненіе по существу темы раздѣляется на двѣ главныя части, раскрывающія раздѣльно, первая—исторію церковнаго судоустройства въ Россіи, вторая—исторію

церковнаго судопроизводства, Оно исчерпываетъ тему сполна и закончено. Такъ, усматривая въ исторіи церковнаго судоустройства три характерныя періода—древнѣйшій отъ начала христіанства въ Россіи до учрежденія приказовъ, второй—отъ установленія патріаршества до учрежденія Св. Синода и новый—со времени учрежденія Св. Синода до настоящаго времени, авторъ раздѣльно въ каждый изъ этихъ періодовъ описываетъ судебныя инстанціи и органы по дѣламъ духовнымъ, затѣмъ по дѣламъ гражданскимъ, входившимъ въ область церковной юрисдикціи на основаніи вотчинно-церковнаго права. Сверхъ того за періодъ патріаршій, кромѣ этихъ двухъ организацій церковнаго суда, авторъ отмѣчаетъ и описываетъ третью—привилегированный судъ для нѣкоторыхъ монастырей, изъятыхъ изъ общей подсудности на основаніи особыхъ жалованныхъ грамотъ. За Синодальный періодъ авторъ описываетъ организацію Св. Синода, какъ высшей судебной инстанціи, и подчиненныя ему учрежденія (монастырскій приказъ и синодальныя конторы), затѣмъ—организацію духовныхъ консисторій и духовныхъ правленій.

Во второй части сочиненія исторію церковнаго судопроизводства авторъ раздѣляетъ на два періода—древній отъ начала русской церкви до Синодальнаго періода и новый—съ учрежденія Св. Синода и по настоящее время.

Все сочиненіе автора изложено на 383 страницахъ разнообразнаго почерка. Авторъ достаточно изучилъ предметъ сочиненія по имѣющимся въ литературѣ изслѣдованіямъ. Добытыя свѣдѣнія онъ сумѣлъ систематически расположить для того, чтобы представить сжатый историческій очеркъ различныхъ органовъ и судебныхъ инстанцій, формъ и порядка церковнаго судоустройства и церковнаго судопроизводства въ отдѣльныя историческія эпохи. Онъ вполне точно истолковалъ требованіе темы представить *очеркъ* историческихъ видоизмѣненій формъ русскаго церковнаго суда: ибо все сочиненіе его представляетъ собою дѣйствительно рядъ очерковъ довольно-таки общихъ. Но онъ не считалъ для себя интереснымъ углубиться въ самостоятельное изученіе памятниковъ, указываемыхъ ему его пособіями, или обнаружить своего особеннаго интереса къ какимъ-либо деталямъ изображаемаго предмета. Его изложеніе всюду одина-

ково, ровно и какъ-то отвлеченно, безжизненно. Повидному вся задача автора ограничивалась тѣмъ, чтобы исполнить удовлетворительно обязательный трудъ. Въ этой мѣрѣ его сочиненіе дѣйствительно удовлетворительно“.

39. Экстраординарнаго профессора Ивана Попова о сочиненіи студента *Строганова Павла*: „Апологетъ Арнобія“:

„Сочиненіе составлено по обыкновенному плану. За общою характеристикой умственнаго и религіозно-правственнаго состоянія язычества, опредѣлявшаго собою характеръ христіанской апологетики, слѣдуютъ біографическія свѣдѣнія объ Арнобіи. Далѣе излагаются сначала догматическое ученіе Арнобія, а потомъ— главнѣйшія основанія, приводимыя имъ для опроверженія язычества. Наконецъ авторъ говоритъ о самостоятельности труда Арнобія и его мѣстѣ въ ряду другихъ западныхъ апологіи, а также даетъ краткую общую характеристику Арнобія, какъ апологета.

Характеристика религіозно-правственнаго состоянія языческаго міра, съ которой начинается сочиненіе автора, хотя и стоитъ въ связи съ дальнѣйшимъ анализомъ апологіи Арнобія, однако научнаго значенія имѣть не можетъ, потому что состоитъ изъ повторенія общеизвѣстнаго. Но эта характеристика не составляла прямой задачи автора. Эта послѣдняя состояла въ изученіи содержанія апологіи съ цѣлю извлеченія изъ нея всего матеріала, который можетъ интересовать историка. Въ этомъ отношеніи сочиненіе автора не вполне удовлетворяетъ требованіямъ, которыя должны быть къ нему предъявлены. Такая неудовлетворительность объясняется двумя причинами. Во-первыхъ, авторъ занимался одною только апологіей Арнобія и не потрудился ознакомиться съ патристическою литературой этого періода, равно какъ и вообще съ исторіей догматовъ и исторіей апологетической литературы. Между тѣмъ знакомство съ этими предметами освѣтило бы многое, оставшееся для автора неяснымъ. Во-вторыхъ, для автора не вполне доступенъ латинскій языкъ апологіи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ приводитъ буквальныя выдержки изъ апологіи, переводъ его не всегда правиленъ и не свидѣтельствуетъ о хорошемъ знаніи имъ латинскаго языка. Чувствуя это, авторъ избѣгаетъ буквальныя цитаты, предпочитая вмѣсто нихъ дѣлать глухія ссылки иногда на цѣлый рядъ главъ апологіи.

Для того, чтобы писать изложение содержания апологии таким образом, не требовалось ея яснаго пониманія: достаточно было схватить общій смысл отдѣла. Извиненіемъ для автора можетъ служить только то, что языкъ апологии вообще темень и труденъ для перевода. Въ связи съ смутнымъ пониманіемъ памятника стоитъ нерѣшительность сужденій автора. Часто сопоставляя противоположныя мѣста апологии, онъ оставляетъ вопросъ открытымъ, не рѣшаясь высказать категорическаго мнѣнія о воззрѣніяхъ изучаемаго имъ автора. Отсюда же вытекаетъ и то, что на протяжении своего сочиненія одну и ту же мысль онъ высказываетъ то неувѣренно, то категорически. Не надѣясь на вѣрность собственныхъ сужденій, авторъ естественно не въ состояніи былъ отнестись къ своимъ пособіямъ съ полною самостоятельностью. По мѣстамъ онъ стоитъ подъ ихъ полнымъ вліяніемъ, и только недостатокъ прямыхъ пособій спасаетъ самостоятельность автора въ другихъ мѣстахъ. Несомнѣнно однако, что авторъ трудился надъ изученіемъ апологии Арнобія въ ея подлинномъ латинскомъ текстѣ и прочелъ всѣ важнѣйшія пособія, относящіяся къ его предмету. Это даетъ ему право на полученіе степени кандидата богословія“.

40. Заслуженнаго ординарнаго профессора Николая Каптерева о сочиненіи студента *Харламова Василя*: „Отношеніе епархіальной церковной власти къ расколу въ Донской области въ XVIII вѣкѣ“:

„Расколъ въ Донской области представляетъ изъ себя одно изъ крупныхъ, хотя и очень печальныхъ явленій нашей церковно-исторической жизни,—и доселѣ раскольниковъ болѣе въ Донской епархіи, чѣмъ въ какой-либо другой, и доселѣ онъ здѣсь очень туго поддается воздѣйствію православія. Изучить и показать мѣстныя спеціальныя причины, которыя, съ одной стороны, содѣйствовали появленію и широкому распространенію раскола въ Донской области, а съ другой стороны, придали и доселѣ придаютъ ему крѣпость и устойчивость,—составляетъ очень важную ученую задачу, рѣшеніе которой должно освѣтить еще довольно темный доселѣ вопросъ о возникновеніи, распространеніи и дальнѣйшемъ состояніи раскола въ Донской области.

Главная трудность рѣшенія этой задачи заключается въ

томъ обстоятельствѣ, что самыя документы относительно раскола на Дону мало, а иногда и совсѣмъ неизвѣстны, что они находятся въ разныхъ архивахъ неразобранными среди другихъ дѣлъ, касающихся Дона, такъ что изслѣдователю приходится предварительно разыскивать тѣ книгохранилища, въ которыхъ только можно найти дѣла, касающіяся Донской области, а потомъ уже, среди этихъ дѣлъ, отыскивать дѣла, касающіяся раскола на Дону.

Нашъ авторъ смѣло взялся за трудную задачу и употребилъ много труда, времени и энергій, чтобы по возможности разрѣшить ее. Онъ изучилъ часть очень обширныхъ по объему такъ называемыхъ „Донскихъ дѣлъ“ (съ 1700 по 1718 годъ), хранящихся въ Главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: дѣла архива Донской Духовной Консисторіи, перенесенныя сюда изъ Воронежской Консисторіи; дѣла войсковаго (Донскаго) архива старыхъ дѣлъ, и затѣмъ пользовался возможными печатными источниками. Изъ архивныхъ своихъ изысканій авторъ вынесъ массу рукописнаго, доселѣ мало или вовсе неизвѣстнаго матеріала, часть котораго онъ присоединилъ къ настоящему своему изслѣдованію, въ видѣ особаго приложения, занимающаго 193 рукописныхъ страницы.

Первая половина сочиненія автора, составляющая значительно большую часть всего изслѣдованія, вполне обработана авторомъ; вторая половина менѣе обработана и не вполне окончена. Масса неизслѣдованнаго матеріала, бывшаго въ рукахъ автора, и краткость срока для написанія сочиненія, очевидно, не дали возможности автору отдѣлать вторую половину сочиненія, какъ и первую, и даже вполне закончить ее. Не смотря на это, работа автора такъ велика, такъ серьезна, основательна и къ тому же совершенно самостоятельна, что его сочиненіе можетъ быть признано вполне достаточнымъ для полученія степени кандидата богословія.“

41. Экстраординарнаго профессора Ивана Попова о сочиненіи студента *Чистосердова Сергѣя*: „Свѣдѣнія о церковныхъ писателяхъ у историка Сократа“:

„Задача автора состояла въ томъ, чтобы выдѣлить и сгруппировать разбросанныя на протяженіи всей Исторіи Сократа свѣдѣнія о жизни, дѣятельности и сочиненіяхъ

церковныхъ писателей, подвергнуть эти свѣдѣнія критической провѣркѣ со стороны ихъ источниковъ и достовѣрности и на основаніи всего этого выяснить значеніе Церковной Исторіи Сократа для патрологіи. Сравнительно небольшое по количеству листовъ, но изложенное сжато и содержательное сочиненіе автора удачно выполняетъ эту задачу.

Изложивши во введеніи взгляды различныхъ ученыхъ на Церковную Исторію Сократа, авторъ ясно и опредѣленно ставитъ вопросъ, подлежащій его изслѣдованію. Принципомъ раздѣленія своего труда на отдѣлы авторъ принялъ источники, которыми пользовался Сократъ.

Въ первомъ отдѣлѣ сочиненія онъ помѣщаетъ свѣдѣнія о церковныхъ писателяхъ, содержащіяся въ первыхъ двухъ книгахъ Церковной Исторіи Сократа и имѣющія своимъ источникомъ сочиненія Св. Анаасія Великаго и свидѣтельства Руфина. Второй отдѣлъ посвященъ изложенію свѣдѣній изъ 3, 4 и 5 книгъ Исторіи, основою которыхъ служатъ различные источники, и наконецъ третій отдѣлъ содержитъ свѣдѣнія, извлеченныя изъ 6 и 7 книгъ Исторіи Сократа и имѣющія своимъ источникомъ какъ личный жизненный опытъ историка, такъ и устные живые рассказы его современниковъ. Въ заключеніе дается общая характеристика Исторіи Сократа со стороны ея значенія для патрологіи.

Методъ, которымъ авторъ руководился въ своей работѣ, вполне научный. Прежде всего онъ сопоставляетъ свѣдѣнія о церковныхъ писателяхъ, разсѣянныя по страницамъ Церковной Исторіи Сократа, отмѣчаетъ ихъ взаимное согласіе или ихъ противорѣчіе. Затѣмъ онъ приступаетъ къ указанію источниковъ, которыми пользовался Сократъ, сообщая эти свѣдѣнія. Онъ тщательно отмѣчаетъ, откуда они заимствованы и притомъ воспроизводятся ли они буквально или же передаются въ свободномъ пересказѣ историка. Наконецъ авторъ сопоставляетъ свѣдѣнія, сообщаемыя Сократомъ, съ свидѣтельствами другихъ церковныхъ историковъ и на основаніи такого сопоставленія рѣшаетъ вопросъ, въ какихъ пунктахъ и насколько они достовѣрны и въ чемъ, напротивъ, должны быть пополнены или исправлены.

Въ выполненіи своей задачи авторъ обнаружилъ большое трудолюбіе и тщательность. Онъ изучать не только истори-

ческіе труды древней церкви, но и новѣйшія изслѣдованія. Въ своемъ сочиненіи авторъ постоянно имѣетъ въ виду достигнутые уже результаты новѣйшей литературы, посвященной Исторіи Сократа. Сверхъ того онъ просматриваетъ по поводу каждаго отдѣльнаго писателя, упоминаемаго въ Исторіи Сократа, ученые трактаты о немъ какъ въ монографическихъ изслѣдованіяхъ, такъ и въ общихъ курсахъ. Сочиненіе автора вполне доказываетъ правдивость длиннаго перечня литературы, помѣщеннаго имъ въ концѣ своей работы на стр. 267—270.

Сочиненіе изложено языкомъ сжатымъ и не содержитъ въ себѣ ничего лишняго. Но похвальное стремленіе къ краткости, желаніе избѣгать излишнихъ подробностей выражается у автора иногда въ чрезмѣрномъ лаконизмѣ, граничащемъ съ голословностью. Такъ иногда онъ не приводитъ доказательствъ своего мнѣнія или не указываетъ основаній тѣхъ мнѣній, съ которыми онъ не соглашается или которыя онъ принимаетъ.

Трудъ автора не чуждъ, далѣе, погрѣшностей и ошибокъ въ частностяхъ. Но эти недочеты почти неизбежны въ такомъ изслѣдованіи, которое такъ много занимается хронологическими датами и мелкими подробностями, для установленія которыхъ, за отсутствіемъ прямыхъ свидѣтельствъ, приходится обращаться къ сопоставленіямъ и догадкамъ. Въ виду этого указанные частные недостатки, не касающіеся сущности дѣла, не препятствуютъ намъ признать сочиненіе г. Чистосердова весьма хорошимъ и вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій а) § 132: „По окончаніи испытаній, на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію. При составленіи списка на четвертомъ курсѣ принимаются во вниманіе успѣхи студентовъ за все время академическаго образованія“. б) § 135: „При окончаніи полнаго академическаго курса студенты академіи удостоиваются степени кандидата богословія и званія дѣйствительнаго студента“. в) § 136: „Студенты академіи, оказавшіе за весь четырехлѣтній курсъ отличные успѣхи и представившіе сочиненіе, признанное Совѣтомъ удовлетворительнымъ для степени магистра, утверждаются въ степени кандидата, съ правомъ полученія

степени магистра безъ новаго устнаго испытанія, но удостоиваются этой послѣдней степени не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ (коллоквиумъ)“. г) § 137: „Студенты, оказавшіе въ теченіе четырехлѣтняго курса очень хорошіе и хорошіе успѣхи и представившіе при окончаніи курса удовлетворительное для степени кандидата сочиненіе, утверждаются въ этой степени. Но для полученія степени магистра они должны выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ не оказали успѣховъ, соответствующихъ сей степени, и представить новое сочиненіе“. д) § 138: „Студенты, оказавшіе въ теченіе академическаго курса посредственные успѣхи и не представившіе сочиненія на степень кандидата или представившіе сочиненіе неудовлетворительное для сей степени, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента“. ж) § 139: „Если получившій степень кандидата за весь четырехлѣтній курсъ оказалъ отличные успѣхи въ наукахъ, но не удовлетворилъ требованій относительно сочиненія на степень магистра, или если представилъ сочиненіе, заслуживающее сей степени, но не оказалъ успѣховъ, соответствующихъ оной, то, при соисканіи такими лицами степени магистра, Совѣтъ не требуетъ отъ перваго изъ нихъ новаго устнаго испытанія, а отъ послѣдняго новаго сочиненія“. з) § 140: „Примѣнительно къ сему Совѣтъ поступаетъ и при соисканіи дѣйствительными студентами степени кандидата“. 2) Правилъ касательно значенія неудовлетворительныхъ балловъ по отвѣтамъ и сочиненіямъ студентовъ академіи а) § 1: „Въ случаѣ полученія студентомъ на какомъ-либо сочиненіи, за какую-либо изъ проповѣдей, или на устныхъ испытаніяхъ по какому-либо предмету балла ниже 3, но не ниже $2\frac{1}{2}$, считать этотъ баллъ удовлетворительнымъ для степени кандидата лишь въ томъ случаѣ, когда средній баллъ по сочиненіямъ и отвѣтамъ будетъ равняться баллу не ниже 4“. б) § 2: „Получившій въ теченіе академическаго курса по одному какому-либо предмету баллъ ниже $2\frac{1}{2}$, но не ниже 2, или по двумъ предметамъ баллъ $2\frac{1}{2}$, по окончаніи полнаго курса удостоивается званія дѣйствительнаго студента съ правомъ на полученіе степени кандидата богословія при окончаніи курса или въ продол-

женіе слѣдующаго учебнаго года, подъ условіемъ удовлетворительнаго отвѣта на новомъ устномъ испытаніи (при чемъ баллъ должно получить не ниже 4), если неудовлетворительный баллъ поставленъ за устный отвѣтъ, или по представленіи удовлетворительнаго сочиненія (при чемъ баллъ долженъ быть полученъ не ниже 3), если неудовлетворительный баллъ поставленъ былъ за сочиненіе. Примѣчаніе: Право подвергаться испытанію предоставляется всего одинъ разъ". 3) По § 81 лит. б. п. 10 устава духовныхъ академій „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академій, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго".

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи студентовъ IV' курса: I) Петровыхъ Ивана, Орлова Константина, Пясецкаго Евгенія, Богоявленскаго Николая, Молчанова Павла, Островскаго Дмитрія, Чистосердова Сергѣя и священника Голубятникова Сергѣя—въ степени кандидата богословія съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени магистра безъ новаго устнаго испытанія; II) Владимірскаго Ѳедора, Блещенкова Герасима, Сироткина Евграфа, Виноградова Василия, Пѣшкова Петра, Петропавловскаго Александра, Иеромонаха Александра (Григорьева), Говядовскаго Ивана, Славскаго Владимира, Волнина Николая, Старовѣрова Гавріила, Риска Евграфа, Егорова Николая, Харламова Василия, Крестіанполь Никанора, Некрасова Ивана, Вержболовича Вячеслава, Румницкаго Алексея, Никанорова Ивана, Самецкаго Василия, Ротара Ивана, Старокотлицкаго Константина, Луневскаго Николая, Смирнова Алексея, Орлова Леонида и Строганова Павла—въ степени кандидата богословія съ правомъ на полученіе степени магистра по исполненіи требованій, означенныхъ въ § 137 академическаго устава; III.) Кохановича Ѳедора, Предтечевскаго Василия, Германиди Ивана, Киріако Евстратія, Кушевича Ксенофонта, Богословскаго Георгія, Пшеничникова Николая, Соколова Александра, Соколова Виктора, Цесаря Юсифа, Шаповаленко Григорія, Якубовскаго Попіевкта, Богданова Николая, Масина Павла, Остроумова Николая, Разумьева Ѳедора и Мелиссари Стефана—въ званіи дѣйствительнаго студента съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени кандидата богословія: *Кохановичу, Предтечевскому и Германиди*—по пред-

ставленіи новыхъ семестровыхъ сочиненій по исторіи и разбору западныхъ исповѣданій; *Кириако и Кушевичу*—по представленіи новыхъ семестровыхъ сочиненій по библейской исторіи; *Богословскому*—по представленіи новаго кандидатскаго сочиненія; *Ишеничкикову, Соколову* Александру, *Соколову* Виктору, *Цисарю, Шаповаленко и Якубовскому*—по представленіи удовлетворительныхъ кандидатскихъ сочиненій; *Богданову* и *Масику* по представленіи удовлетворительныхъ кандидатскихъ сочиненій и новыхъ семестровыхъ сочиненій по исторіи и разбору западныхъ исповѣданій; *Остроумову* и *Разумъеву*—по представленіи удовлетворительныхъ кандидатскихъ сочиненій и новыхъ семестровыхъ сочиненій по педагогикѣ, и *Меллссари*—по представленіи новыхъ семестровыхъ сочиненій по церковному праву и педагогикѣ и удовлетворительномъ выдержаніи новыхъ устныхъ испытаній по метафизикѣ, исторіи и разбору западныхъ исповѣданій, исторіи философіи, исторіи и обличенію русскаго раскола, педагогикѣ и нравственному богословію.

V. Предложеніе Ректора Академіи Арсенія, Епископа Волоколамскаго:

„Долгомъ считаю предложить Совѣту Академіи избрать кого-либо изъ нынѣ окончившихъ академическіи курсы студентовъ для приготовленія въ будущемъ учебномъ году къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ въ Академіи“.

Справка: 1) § 54 устава духовныхъ академій: „Для приготовленія къ занятію преподавательскихъ вакансій въ Академіи, Совѣту предоставляется оставлять при оной на годичный срокъ наиболѣе даровитыхъ студентовъ, кончившихъ курсы съ отличнымъ успѣхомъ. Примѣчаніе. Лица сіи получаютъ содержаніе изъ особо назначенныхъ для того суммъ, въ размѣрѣ не свѣше 700 рублей на каждаго“.

2) По § 81 лит. б. п. 5 того же устава „оставленіе при Академіи окончившихъ курсы студентовъ, для приготовленія къ занятію преподавательскихъ кафедръ въ оной, и назначеніе имъ содержанія“ значитса въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) Оставить для приготовленія въ будущемъ учебномъ году къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ въ Академіи окончившихъ нынѣ акаде-

мической курсъ воспитанниковъ Ивана *Петровыхъ* и Константина *Орлова*, съ производствомъ имъ, съ 16 августа текущаго года, содержанія по 700 рублей каждому, за вычетомъ 2% на пенсін. 2) Мнѣніе сіе представитъ на Архипастырское утверженіе Его Высокопреосвященства.

VI. а) Заявленія стипендіатовъ и самокоштныхъ студентовъ, нынѣ окончившихъ курсъ въ Академіи: *Виноградови* Василія, *Волкина* Николая, *Кожановича* Θεодора, *Лушевскаго* Николая, *Некрасова* Ивана, *Предтечевскаго* Василія, *Ринка* Евграфа, *Смирнова* Алексѣя и *Старокотлицкаго* Константина о желаніи ихъ служить по духовно-учебному вѣдомству.

б) Прошеніе нынѣ окончившаго курсъ въ Академіи священника Сергія *Голубятникова*: „Хотя по рожденію и воспитанію я принадлежу къ Воронежской епархіи, но почтительнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи распорядиться объ отсылкѣ моихъ документовъ, по окончаніи академическаго курса, не въ Воронежскую духовную консисторію, а въ Донскую (въ г. Новочеркасскѣ), потому что вся моя учительская и священническая служба съ 1880 года до поступленія въ число студентовъ Московской Академіи протекла въ Донской епархіи, гдѣ нынѣ учится въ Епархіальномъ училищѣ и моя дочь и гдѣ сохраняются остатки моего хозяйственнаго инвентаря“.

в) Прошеніе нынѣ окончившаго курсъ въ Академіи Николая *Богоявленскаго*: „Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ ^{25 января} 188⁹ года за № 2563 Совѣтамъ Академіи предписано окончившихъ курсъ академическихъ воспитанниковъ, не получившихъ назначенія на мѣсто по духовно-учебному вѣдомству, обращаться въ епархіи по мѣсту ихъ родоприсхожденія, съ отсылкою документовъ въ подлежащія консисторіи. Согласно этому предписанію я долженъ быть обращенъ по мѣсту родоприсхожденія въ Тамбовскую епархію и мои документы должны быть отосланы въ Тамбовскую духовную консисторію. Но я имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи обратитъ меня въ вѣдѣніе Саратовскаго Епархіальнаго Начальства и мои документы отослать въ Саратовскую духовную консисторію. Такая моя просьба обуславливается тѣмъ, что я съ 3-го класса по 6-й былъ воспитанникомъ Саратовской семинаріи и, по окончаніи въ ней въ 1889 году курса, до поступленія въ Москов-

скую Духовную Академію, служилъ въ теченіе 6 лѣтъ въ Саратовской епархіи въ качествѣ учителя образцовой при Саратовской духовной семинаріи школы. Въ силу всего этого я имѣю желаніе и впредь служить въ Саратовской епархіи“.

Справка: Определеніемъ Святѣйшаго Синода отъ ^{3 мая}_{11 апрѣля} 1892 года за № 590 предписано Совѣтамъ Академіи, чтобы они не позже 15 іюля доставляли въ Святѣйшій Синодъ свѣдѣнія объ окончившихъ курсъ студентахъ, имѣющихъ священный санъ, а въ Учебный Комитетъ сообщали списки всѣхъ прочихъ студентовъ какъ казеннокоштныхъ, такъ и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые изъявляютъ желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству съ обозначеніемъ въ томъ и другомъ случаѣ: а) мѣста ихъ происхожденія; б) отмѣтокъ объ ихъ успѣхахъ и поведеніи; в) требуемыхъ определеніями Святѣйшаго Синода отъ ^{23/27} апрѣля 1884 года и ^{27 января}_{17 февраля} 1888 года свѣдѣній о томъ, кто изъ нихъ на какую учительскую каѳедру или должность въ семинаріяхъ и училищахъ признается болѣе способнымъ, а относительно тѣхъ, которые не имѣютъ полного балла по поведенію, свѣдѣній, на основаніи инспекторскихъ записей, о качествѣ совершенныхъ ими во время пребыванія въ Академіи проступковъ, и чтобы по сообщеніи Святѣйшему Синоду и Учебному Комитету вышеупомянутыхъ свѣдѣній, обращали всѣхъ казеннокоштныхъ студентовъ, а равно и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые по окончаніи академическаго курса заявили о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, въ епархіи, по принадлежности, съ выдачею имъ на проѣздъ билетовъ, а казеннокоштнымъ и прогонныхъ денегъ и съ отсылкою документовъ таковыхъ студентовъ въ подлежащія духовныя консисторіи.

Опредѣлили: 1) По утвержденіи окончившихъ курсъ въ текущемъ году студентовъ Академіи въ степени кандидата богословія и званіи дѣйствительнаго студента доставить въ Святѣйшій Синодъ свѣдѣнія объ имѣющихъ священный санъ, а въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ сообщить списки всѣхъ прочихъ студентовъ какъ казеннокоштныхъ, такъ и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые изъявили желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству съ обозначеніемъ въ томъ и другомъ случаѣ—а) мѣста ихъ происхо-

хожденія; б) отмѣтокъ объ ихъ успѣхахъ и поведеніи и в) требуемыхъ опредѣленіями Святѣйшаго Синода отъ ²⁵/₂₇ апрѣля 1884 года и ^{27 января}/_{17 февраля} 1888 года свѣдѣній о томъ, кто изъ нихъ на какую учительскую каѳедру или должность въ семинаріяхъ и училищахъ признается болѣе способнымъ, а относительно тѣхъ, которые не имѣютъ полнаго балла по поведенію, свѣдѣній, на основаніи инспекторскихъ записей, о качествѣ совершенныхъ ими во время пребыванія въ Академіи проступковъ. 2) Всѣхъ казеннокоштныхъ студентовъ, а равно и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые заявили о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, уволить въ епархіальное вѣдомство съ выдачею имъ на проѣздъ билетовъ, а казеннокоштнымъ и прогонныхъ денегъ, и препроводить документы ихъ въ подлежащія духовныя консисторіи. 3) Окончившихъ курсъ священника Сергія Голубятникова и Николая Богдавленскаго, согласно ихъ прошеніямъ, уволить—перваго въ Донскую епархію, а втораго—въ Саратовскую, куда и препроводить всѣ ихъ документы.

VII. Разсуждали о назначеніи на 1899—1900 учебный годъ стипендій студентамъ Академіи.

Справка: 1) Въ настоящее время, за окончаніемъ полнаго академическаго курса и выbytіемъ изъ Академіи студентовъ бывшаго IV курса, остаются свободными слѣдующія стипендіи: двѣнадцать Троице-Сергіевой Лавры, по 220 рублей каждая; одна—имени архимандрита Павла и профессора Н. И. Субботина въ 220 р.; одна—имени Н. П. Соколова въ 220 рублей; одна Ломоносовскаго Комитета въ 202 рубля и одна имени В. М. Ундольскаго въ 200 рублей. Кромѣ того подлежитъ назначенію одному изъ студентовъ II курса стипендія имени покойнаго Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго Сергія въ 220 рублей. 2) Утвержденныхъ Его Высоко преосвященствомъ „Правиль относительно распредѣленія казенныхъ и частныхъ стипендій между студентами Академіи“ а) п. I: „По составленіи, въ концѣ учебнаго года, переводныхъ списковъ студентовъ академіи, но въ томъ же засѣданіи Совѣтъ обсуждаетъ каждый разъ особо вопросъ о распредѣленіи на предстоящій учебный годъ стипендій на трехъ послѣднихъ курсахъ;“ б) п. II: „При распредѣленіи стипендій на трехъ послѣднихъ курсахъ Совѣтъ руководствуется, въ качествѣ основнаго, тѣмъ же правиломъ.

которымъ опредѣляется назначеніе стипендіи на первомъ курсѣ, а именно: всѣ наличныя казенныя и тѣ изъ частныхъ стипендій, назначеніе и опредѣленіе срока пользованія которыми зависитъ всецѣло отъ Совѣта Академіи, назначаются соотвѣтствующему числу студентовъ въ порядкѣ разрядного списка, начиная съ перваго“; в) п. III: „Исключенія изъ этого правила допускаются Совѣтомъ Академіи лишь по тщательномъ изслѣдованіи причинъ пониженія студентовъ въ разрядномъ списокѣ, при чемъ въ случаѣ рѣзкаго пониженія, происшедшаго отъ невнимательнаго отношенія къ исполненію учебныхъ обязанностей, студентъ можетъ быть лишень стипендіи на годъ; хотя бы по занимаемому имъ мѣсту въ списокѣ онъ и сохранилъ право на пользованіе ею, и, наоборотъ, стипендія можетъ быть сохранена за студентомъ, лишившимся ея вслѣдствіе незначительнаго пониженія въ списокѣ, происшедшаго не отъ лѣности или разсѣянности“; г) п. IV: „Студентъ, потерявшій мѣсто вслѣдствіе продолжительной болѣзни, сохраняетъ за собою стипендію, которою пользовался“. 3) Положенія о стипендіи имени покойнаго Митрополита Московскаго Сергія: а) § 3: „Размѣръ годичной стипендіи опредѣляется въ двѣсти двадцать (220) рублей, и она назначается Совѣтомъ Академіи одному изъ лучшихъ и способнѣйшихъ студентовъ перваго курса, при чемъ преимущество отдается, согласно волѣ жертвователя, воспитанникамъ Тульской семинаріи. *Примѣчаніе.* Въ виду того, что въ началѣ перваго курса нельзя съ точностью опредѣлить сравнительное достоинство вновь поступившихъ въ Академію воспитанниковъ, означенная стипендія, сдѣлавшись свободною, причисляется къ тридцати казеннымъ вакансіямъ перваго курса и только по истеченіи года — назначается въ частности тому или другому студенту, избранному Совѣтомъ, согласно съ условіями сего параграфа“; б) § 6: „Согласно волѣ жертвователя, воспитывающійся на означенной стипендіи въ теченіи всего академическаго курса студентъ получаетъ право къ своей фамилии прибавлять фамилію „Сергіевъ“, сохраняя эту прибавку и по выходѣ изъ Академіи“.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ Академіи за минувшій учебный годъ, лишить казенныхъ стипендій на будущій

1899—1900 учебный годъ студентовъ: 3 курса—Александра *Любимскаго*, 2 курса — Александра *Бурцева* и оставленныхъ на повторительный курсъ: въ 3 курсѣ—Павла *Левицкаго* и въ I курсѣ—Георгія *Сорокопуда* и Дмитрія *Спиридонова*.—Три изъ этихъ стипендій передать студентамъ: 4 курса Петру *Артамонову* (пользовавшемуся стипендіей Московской каѳедры въ 110 р.), 2 курса—Леониду *Попову* (пользовавшемуся двойной стипендіей Г. И. Хлудова въ 172 р.) и Александру *Платонову* (пользовавшемуся стипендіей прот. I. В. Рождественскаго въ 194 рубля); остальные двѣ предоставить студентамъ будущаго I курса. 2) Двѣнадцать стипендій Троице-Сергіевой Лавры назначить студентамъ: 4 курса: Николаю *Нарскому* (пользовавшемуся стипендіей прот. А. Невоструева въ 142 р.), Николаю *Приклонскому* (пользовавшемуся стипендіей Московской каѳедры въ 110 р.), Ивану *Рудакову* (пользовавшемуся стипендіей М. А. Хлудова въ 118 р.) и Ивану *Федорову* (пользовавшемуся стипендіей Епископа Никодима въ 192 рубля); 3-го курса: Іустину *Гроту* (пользовавшемуся стипендіей Ю. Ѡ. Самарина въ 173 р.), Аркадію *Алфееву* (пользовавшемуся стипендіей прот. I. В. Рождественскаго въ 194 р.), Николаю *Дмитріеву* (пользовавшемуся академической стипендіей въ 210 р.), Ивану *Соловьеву* (пользовавшемуся стипендіей имени протоіереевъ Голубинскаго и Делицына въ 173 р.) и Павлу *Доброгоасву* (пользовавшемуся академической стипендіей въ 210 рублей); 2 курса:—Трифону *Яницкому* (пользовавшемуся стипендіей имени діакона С. Ѡ. Каптерева въ 213 р.); I курса: Георгію *Сорокопуду* и Дмитрію *Спиридонову*.—Стипендію имени архимандрита Павла и профессора Н. П. Субботина въ 220 рублей—студенту 4 курса Григорію *Зерцалову* (пользовавшемуся стипендіей М. А. Хлудова въ 118 руб.)—Стипендію имени профессора Н. П. Соколова въ 220 р.—студенту 3 курса Павлу *Левичкому*.—Стипендію Ломоносовскаго Комитета въ 202 рубля — студенту 2 курса Михаилу *Сытцову*.—Стипендію имени В. М. Ундольскаго въ 200 р.—студенту 2 курса Александру *Бурцеву*. 3) Стипендію Московской каѳедры (послѣ П. Артамонова) передать студенту 3 к. Александру *Любимскому*; двѣ стипендіи имени протоіерея I. В. Рождественскаго (послѣ А. Платонова и А. Алфеева)—студентамъ 2 к. Николаю *Юдину* и Григорію *Филипповичу* (пользовавшимися стипендіями Московской каѳедры по 110 р.);

стипендію М. А. Хлудова (послѣ И. Рудакова)—студенту 2 к. священнику Филиппу *Горбаневскому*; стипендію Епископа Никодима (послѣ П. Ѳедорова)—студенту 4 к. Александру *Соболеву* (пользовавшемуся стипендіей М. А. Хлудова въ 118 р.); стипендію Ю. Ѳ. Самарина (послѣ І. Грота)—студенту 2 к. Сергѣю *Кедрову* (пользовавшемуся стипендіей Московской каѳедры въ 110 р.); двѣ академическія стипендіи (послѣ Н. Дмитріева и П. Доброгаева)—студентамъ 2 к. Петру *Ансерову* (пользовавшемуся стипендіей Московской каѳедры въ 110 р.) и Петру *Третьякову* (пользовавшемуся стипендіей Г. П. Хлудова въ 86 р.); стипендію имени протоіереевъ Ѳ. А. Голубинскаго и П. С. Делицына (послѣ И. Соловьева)—студенту 2 к. Сергѣю *Артоболовскому*; стипендію діакона С. Ѳ. Каптерева (послѣ Т. Яницкаго)—студенту 2 к. Семену *Зернову*.—4) Стипендіатомъ имени покойнаго Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго Сергія назначить студента 2 курса Николая *Пограничнаго*.—5) За прочими студентами оставить на 1899—1900 учебный годъ тѣ стипендіи, которыми они пользовались въ минувшемъ году, а одиннадцать стипендій: одну имени протоіерея А. И. Невоструева въ 142 рубля (послѣ Н. Нарскаго), двѣ М. А. Хлудова по 118 р. (послѣ Г. Зерцалова и А. Соболева), пять Московской каѳедры по 110 р. (послѣ Н. Приклонскаго, Н. Юдина, Г. Филипповича, С. Кедрова и П. Ансерова) и три Г. И. Хлудова по 86 рублей (послѣ Л. Попова и П. Третьякова)—предоставить студентамъ будущаго І курса.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: „1899 г. Юля 11. По ст. 1 п. 3. Студента Николая Ступаревича—боснійскаго уроженца, на основаніи опредѣленія Св. Синода отъ $\frac{11 \text{ Мая}}{5 \text{ Апрѣля}}$ 1869 года, не увольнять изъ Академіи. Во всемъ остальномъ съ постановленіями Совѣта согласенъ“.

9 іюня 1899 года.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи Арсенія, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Евдокимъ и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоръ: П. Попова, уволеннаго въ отпускъ, и С. Глаголева, находящагося въ заграничной командировкѣ.

. Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1899 г. Мая 3. Въ Совѣтъ Московскоѣ Духовноѣ Академіи къ свѣдѣнію и исполненію“ — указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 29 апрѣля 1899 года за № 2334:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 19 минуваго марта № 7706, о назначеніи Секретарю Владимірской духовной Консисторіи, бывшему Секретаремъ Таврической Консисторіи, Гроздову вознагражденія за труды по защитѣ интересовъ духовнаго вѣдомства въ Симферопольскомъ Окружномъ Судѣ и Одесской Судебной Палатѣ по иску, предъявленному наслѣдниками потомственнаго почетнаго гражданина Василя *Теолога* къ Московскоѣ, Кіевскоѣ и Казанскоѣ духовнымъ академіямъ, на сумму 37,500 рублей. Приказали: Въ виду того, что защита интересовъ духовнаго вѣдомства въ Симферопольскомъ Окружномъ Судѣ и Одесской Судебной Палатѣ по иску, предъявленному наслѣдниками потомственнаго почетнаго гражданина Василя *Теолога* къ Московскоѣ, Кіевскоѣ и Казанскоѣ духовнымъ академіямъ, на сумму 37500 руб., поручена была Секретарю Консисторіи Гроздову Святѣйшимъ Синодомъ, и что по веденію сего дѣла, имѣваго благопріятный для духовнаго вѣдомства исходъ, Гроздовъ, по его заявленію, понесъ значительные труды и немалые расходы на многократныя поѣздки въ Севастополь, *Теодосію*, Керчь, Петербургъ и Одессу, на каковыя расходы ему не было ничего отпущено, Святѣйшій Синодъ, по выслушаніи заключенія Хозяйственнаго Управленія, опредѣляетъ: назначить Гроздову, въ вознагражденіе за его труды и на покрытіе понесенныхъ имъ расходовъ, тысячу рублей, съ отнесеніемъ сего расхода на проценты съ завѣщаннаго *Теолога* въ пользу помянутыхъ академій капитала, въ равной долѣ на каждую изъ нихъ; о чемъ для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію и сообщить Правленію Академіи для надлежащаго исполненія.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1899 г. Мая 9. Въ Совѣтъ Московскоѣ Духовноѣ Академіи къ свѣдѣнію и руководству“—указъ на имя Его Высоко-

преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 5 мая за № 2509:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: дѣло объ утвержденіи въ степени магистра богословія преподавателя одной изъ духовныхъ семинарій. Приказали: Усматривая, что въ нѣкоторыхъ изъ представленныхъ на соисканіе ученыхъ богословскихъ степеней сочиненіяхъ авторы касаются лицъ и событій, близкихъ къ настоящему времени, таковы, на примѣръ, сочиненія подъ заглавіемъ: „Миссіонеръ Высокопреосвященнѣйшій Владиміръ, Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій“, „Церковно-гражданскія законоположенія относительно православнаго духовенства въ царствованіе Императора Александра II“ и друг., что авторы подобныхъ сочиненій въ силу необходимости должны касаться въ нихъ нѣкоторыхъ данныхъ изъ жизни ближайшихъ современниковъ лицъ, составляющихъ предметъ ихъ изслѣдованія, нынѣ находящихся еще въ живыхъ, и высказывать сужденія о событіяхъ, послѣдствія которыхъ не успѣли еще обнаружиться во всей полнотѣ и, слѣдовательно, невозможна правильная оцѣнка ихъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: предписать Совѣтамъ духовныхъ академій къ непремѣнному руководству, *чтобы для соисканія ученыхъ богословскихъ степеней не предлагались темы, касающіяся лицъ и событій, близкихъ къ настоящему времени*; о чемъ, для исполненія, послать Вашему Преосвященству и Преосвященнымъ Митрополитамъ Кіевскому и С.-Петербургскому и Архіепископу Казанскому указы“.

Справка: 1) Изъ диссертациіи на ученія степени магистра и доктора, принятыхъ до сего времени Совѣтомъ Академіи къ разсмотрѣнію, лицъ и событій, близкихъ къ настоящему времени, касается лишь диссертация пресвитера Московскаго придворнаго Благовѣщенскаго Собора Николая *Извънови* подъ заглавіемъ: „Историческій очеркъ состоянія Православной Церкви въ Литовской епархіи за время съ 1839—1889 г.г.“, представленная имъ вмѣстѣ съ другимъ его трудомъ подъ заглавіемъ: „Исторія Литовской духовной семинаріи“, Вильна, 1892 г.—на соисканіе степени доктора церковной исторіи.— По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 19 марта текущаго года диссертация эта передана была для разсмотрѣнія заслу-

женному ординарному профессору Академіи по кафедрѣ русской гражданской исторіи Василю Ключевскому; вторымъ же рецензентомъ оной Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи назначень членъ Совѣта—экстраординарный профессоръ по кафедрѣ теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ Героеи Татарскіи. 2) На запросъ Совѣта рецензенты сочиненія пресвитера Николая Извѣкова высказали, что, ознакомившись съ означеннымъ сочиненіемъ, они, не касаясь его научнаго достоинства, находятъ, что по силѣ вышеизложеннаго указа Святѣйшаго Синода, трудъ о Извѣкова не можетъ подлежать разсмотрѣнію Совѣта Академіи въ качествѣ диссертациі на ученую степень доктора церковной исторіи.

Опредѣлили: 1) Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и руководству. 2) Въ виду изложеннаго въ справкѣ, дѣло о соисканіи пресвитеромъ Московскаго придворнаго Благовѣщенскаго Собора Николаемъ Извѣковымъ степени доктора церковной исторіи считать прекращеннымъ, о чемъ и увѣдомить пресвитера Извѣкова чрезъ Канцелярію.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1899 г. Мая 19. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“.—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 17 мая за № 2726:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 6 апрѣля сего года № 160, по ходатайству Совѣта Московской Духовной Академіи объ удостоеніи экстраординарнаго профессора оной, магистра богословія, Александра *Бѣляева* степени доктора богословія. *Приказали:* Признавая экстраординарнаго профессора Московской Духовной Академіи, магистра богословія, Александра Бѣляева, удостоеннаго Совѣтомъ Московской Духовной Академіи степени доктора богословія, заслуживющимъ означенной степени за отличные по своимъ достоинствамъ ученые труды его, Святѣйшій Синодъ, на основаніи § 143 Устава духовныхъ академіи, опредѣляетъ: удостоить экстраординарнаго профессора Бѣляева степени доктора богословія; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Изготовить для экстраординарнаго профес-

сора Академіи Александра Бѣляева докторскій дипломъ и выдать его по принадлежности, а объ утверженіи профессора Бѣляева въ степени доктора богословія внести въ формулярный о службѣ его списокъ.

IV. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1899 г. Мая 25. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи къ руководству и исполненію“.—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 24 мая за № 2905:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшей Правительствующей Синодъ: имѣли сужденіе по ходатайству болгарскаго уроженца, *архимандрита Анѳима (Вербанова)* о разрѣшеніи ему поступить въ число студентовъ II-го курса Московской Духовной Академіи. Приказали: На основаніи бывшихъ разсужденій, Святѣйшей Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить болгарскому уроженцу, архимандриту Анѳиму (Вербанову) поступить въ число студентовъ II-го курса Московской Духовной Академіи на свои средства, съ тѣмъ, чтобы онъ въ теченіе академическаго курса выдержалъ испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ онъ не держалъ экзаменовъ въ бытность его студентомъ перваго курса С.-Петербургской Духовной Академіи, а именно: по библейской археологій, латинскому, нѣмецкому и еврейскому языкамъ; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ, съ приложеніемъ выданнаго архимандриту Анѳиму удостовѣренія за № 577 изъ С.-Петербургской Духовной Академіи“.

б) Удостовереніе, выданное болгарскому уроженцу архимандриту Анѳиму (Вербанову) Г. и д. Ректора С.-Петербургской Духовной Академіи, отъ 19 марта 1899 года за № 577:

„Дано сіе за надлежащею подписью съ приложеніемъ казенной печати болгарскому уроженцу священнику (пѣнѣ Архимандриту) *Анѳиму Вербанову*, согласно его прошенію, въ томъ, что онъ, Вербановъ, принятый въ число студентовъ I курса С.-Петербургской Духовной Академіи на основаніи указа Св. Синода отъ 14 Августа 1886 года за № 2940, въ теченіе 1886^г; учебнаго года, при поведеніи отлично-хорошемъ (5), оказалъ слѣдующіе успѣхи: по *проповѣди*—очень хорошіе (3³/4); а) на *устныхъ испытаніяхъ*: по Введенію въ кругъ богословскихъ наукъ — *хороше* (3), по Священному

Писанію Новаго Завѣта—*хорошіе* ($2\frac{3}{4}$), Библейской исторіи—*посредственныя* ($2\frac{1}{2}$), Общей церковной исторіи — *очень хорошіе* (4), Исторіи философіи — *посредственныя* ($2\frac{1}{2}$), логикѣ—*очень хорошіе* ($3\frac{3}{4}$), Исторіи славянскихъ церквей—*очень хорошіе* ($4\frac{1}{4}$), Теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ—*хорошіе* (3), Русскому и церковно-славянскому языку и исторіи русской литературы—*хорошіе* (3); б) и на *семестровыхъ сочиненіяхъ*: по Священному Писанію Новаго Завѣта—*очень хорошіе* ($3\frac{3}{4}$), Исторіи славянскихъ Церквей—*очень хорошіе* (4).

Такъ какъ священникъ (нынѣ архимандритъ) Анѣимъ Вербановъ не держалъ экзаменовъ по языкамъ латинскому, нѣмецкому, еврейскому и библейской археологіи, то Совѣтомъ Академіи онъ не былъ переведенъ во II курсъ Академіи, къ дополнительнымъ испытаніямъ не явился и, такимъ образомъ, выбылъ изъ Академіи“.

Опредѣлили: Принять къ руководству и исполненію.

V. Слѣдующее Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1899 г. Іюня 5. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Г. Товарища Оберъ-Прокурора Святейшаго Синода отъ 28 мая за № 13613:

„Велѣдствіе ходатайства Вашего Высокопреосвященства, отъ 28 минушаго Апрѣля за № 185, о назначеніи пособія экстраординарному профессору Московской Духовной Академіи Александру *Голубцову*, назначенному депутатомъ отъ названной Академіи на XI Археологической Сѣздъ въ Кіевѣ, имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь и Архипастырь, что Г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, по докладу Хозяйственнаго Управленія, отъ 21 сего Мая за № 13145, пзволить признать возможнымъ назначить въ пособіе профессору Голубцову *двѣсти* рублей изъ духовно-учебнаго капитала“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Отношенія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святейшаго Синода:

а) отъ 14 апрѣля за № 2631: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 7-го текушаго Апрѣля докладу Учебнаго Комитета при Святейшемъ Синодѣ, кандидату Московской Духовной Академіи Александръ *Модестовъ* опредѣленъ на должность учителя русскаго и церковно-

славянскаго языковъ въ 1-й классъ Звенигородскаго духовнаго училища, съ окладомъ жалованья, положеннымъ для учителей изъ студентовъ духовныхъ семинарій. — Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту Академіи для свѣдѣнія и зависящаго распоряженія“.

б) отъ 5 мая за № 3032: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 29 Апрѣля 1899 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, кандидатъ Московской Духовной Академіи Василій *Малаховъ* опредѣленъ на должность преподавателя обличительнаго богословія, исторіи и обличенія русскаго раскола и мѣстныхъ сектъ въ Волынскую духовную семинарію, а опредѣленный 4 февраля текущаго года на эту должность кандидатъ Московской Духовной Академіи *Смирновъ* уволенъ отъ даннаго ему назначенія, за неявкой къ мѣсту службы. — Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту Академіи для свѣдѣнія и зависящаго распоряженія, въ дополненіе къ отношенію отъ 11 февраля за № 913“.

в) отъ 19 мая за № 3393: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 13-го мая 1899 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, кандидатъ Московской Духовной Академіи Николай *Добротинъ* опредѣленъ на должность учителя русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ старшіе классы Черкаскаго духовнаго училища. — Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту Академіи для свѣдѣнія и зависящаго распоряженія“.

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора Академіи всѣмъ вышепоименованнымъ кандидатамъ дано знать о состоявшемся относительно ихъ распоряженіи Высшаго Начальства.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Отзывы о сочиненіи преподавателя Нижегородскаго епархіальнаго женскаго училища, кандидата богословія, Николая *Боголюбова* подъ заглавіемъ: „Православно-христіанское ученіе о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра. Опытъ выясненія логическаго взаимоотношенія системъ пантеизма и теизма“, представленномъ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія:

а) экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ метафизики и логики Алексѣя *Введенскаго*:

„Обширное сочиненіе г. Боголюбова состоитъ изъ введенія и двухъ отдѣловъ.

Во введеніи авторъ характеризуетъ современное положеніе вопроса, намѣчаетъ планъ, задачу, методъ изслѣдованія и даетъ подробный перечень пособій.

Первый отдѣлъ онъ посвящаетъ установкѣ понятія о пантеизмѣ, — въ его существѣ и основныхъ формахъ. Онъ идетъ къ этой цѣли путемъ критическимъ, — путемъ разбора различныхъ философскихъ толкованій пантеизма, а именно толкованій: теологическаго, онтологическаго, этического и гносеологическаго (глава 1-я). Ни одно изъ этихъ толкованій не удовлетворяетъ автора. Онъ находитъ, — и это составляетъ главную его оригинальность, — что отчетливое понятіе о пантеизмѣ можетъ быть образовано лишь съ точки зрѣнія на пантеизмъ, какъ на попытку философскаго рѣшенія космологической проблемы: понятіе пантеизма, по мнѣнію автора, можетъ быть опредѣлено лишь по противоположности атомистическому матеріализму, съ одной стороны, и деизму, — съ другой. Его сущность состоитъ именно въ отрицаніи матеріалистическаго атомизма и деизма (глава 2-я). Установивъ, такимъ образомъ, понятіе о пантеизмѣ, авторъ (въ главѣ 3-й) даетъ опытъ классификаціи системъ пантеизма. Онъ находитъ, что единственно правильнымъ дѣленіемъ пантеистическихъ системъ можетъ быть признано дѣленіе ихъ на системы пантеизма *субстанціального* (подвиды: пантеизмъ *реалистическій* и *абстрактный*) и *органическаго* (подвиды: пантеизмъ *физическій* и *психическій*).

Второй отдѣлъ посвященъ опредѣленію логико-философской природы *теизма*, въ его принципиальномъ отличіи отъ пантеизма и выясненію его превосходства сравнительно съ этимъ послѣднимъ. Къ этой цѣли авторъ идетъ также путемъ критическимъ. Онъ подвергаетъ разбору возраженія пантеистовъ противъ теистическаго ученія о личности Божества, о свободѣ Божественной воли, о цѣлесообразномъ устройствѣ міра (глава 4-я). Выяснивъ затѣмъ (въ главѣ 5-й) логическую природу принциповъ причинности и цѣлесообразности, въ толкованіи которыхъ заключается одно изъ существенныхъ различій между пантеистическими и теисти-

ческими системами,—авторъ (въ главѣ 6-й) какъ бы резюмируетъ подготовленный результатъ и въ сжатой, суммарной формѣ указываетъ недостатки основнаго пантеистическаго тезиса, въ которомъ онъ очень остроумно вскрываетъ безвыходный логическій кругъ,—пустую тавтологію, лишенную всякаго реального содержанія и смысла ¹⁾. Наконецъ въ послѣдней главѣ (7-й) онъ формулируетъ антиноміи пантеистической теологіи, психологіи, натурфилософіи, гносеологіи и указываетъ, что единственный логически-правомѣрный выходъ изъ этихъ антиномій даетъ лишь теизмъ.

Въ концѣ сочиненія, непосредственно вслѣдъ за краткимъ заключеніемъ, помѣщены обширныя „примѣчанія“, куда отнесены цитаты, сопровождаемыя критическими замѣчаніями, извлеченія изъ подлинниковъ и поясненія, имѣющія болѣе или менѣе косвенное отношеніе къ главному предмету изслѣдованія.

Уже изъ только что сдѣланнаго конспективнаго изложенія сочиненія г. Боголюбова видно, что его заглавіе (первая половина) не можетъ быть признано точнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, это заглавіе, по его прямому и буквальному смыслу, даетъ основаніе ожидать *догматическаго* раскрытія *православно-христіанскаго ученія о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ*. Между тѣмъ, существенное содержаніе изслѣдованія складается, какъ это видно изъ конспекта, — изъ философскаго изслѣдованія отношеній пантеизма къ теизму, хотя и опредѣляемаго *апологетическими* дѣлями. Догматъ о Богѣ Творцѣ и Промыслителѣ изслѣдуется развѣ лишь со стороны его отдаленныхъ метафизическихъ и гносеологическихъ предпосылокъ, а не въ его прямомъ и непосредственномъ содер-

¹⁾ „Такимъ образомъ,—пишетъ онъ,—основное положеніе пантеистической системы состоитъ изъ слѣдующихъ моментовъ: 1) окружающая насъ жизнь не заключаетъ въ себѣ ничего реального, это—лишь чистое отношеніе однихъ дѣйствій къ другимъ, т. е. реально въ ней лишь отношеніе; 2) но отношеніе устанавливаетъ человѣческій разумъ; 3) слѣдовательно, человѣческій разумъ есть дѣйствующая причина бытія; 4) слѣдовательно, онъ и есть высшая дѣйствительность или Божество; 5) но человѣческій разумъ не можетъ сознать себя въ дѣйствительности дѣйствующей причиной бытія; 6) слѣдовательно, онъ является дѣйствующей причиной несознательно; 7) слѣдовательно, Божество есть безличныи разумъ, есть лишь отношеніе, процессъ бытія. Но отношеніе.... и т. д. снова то же разсужденіе“.

жаніи. Въ виду этого слѣдуетъ признать болѣе точнымъ и болѣе соответствующимъ дѣйствительному содержанию изслѣдованія вторую половину заглавія: *Пантеизмъ и теизмъ* (логическое взаимоотношеніе системъ), изслѣдованіе апологетическое,—какое заглавіе и слѣдовало бы оставить, совершенно снявъ его первую половину.

Далѣе, хотя авторъ и вынесъ въ „примѣчанія“ (въ концѣ сочиненія) многія подробности слишкомъ спеціальнаго характера или второстепеннаго значенія, однако въ его изслѣдованіи всетаки осталось еще много такихъ элементовъ, которые, какъ отвлекающіе вниманіе читателя отъ главной мысли, были бы болѣе умѣстны въ „примѣчаніяхъ“. Особенно слѣдуетъ это сказать о *введеніи*, которое, начиная съ 50-й страницы, могло бы, за исключеніемъ немногихъ страницъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ задачамъ введенія, не только безъ ущерба, но и съ пользою для цѣлаго, быть перенесено въ конецъ,—въ особое приложеніе. Вообще должно замѣтить, что сочиненіе г. Боголюбова далеко не свободно отъ того,—за послѣднее время, къ сожалѣнію, довольно общаго студентамъ духовныхъ академій,—недостатка, который состоитъ въ перевѣсѣ матеріала надъ формою, въ недостаткѣ вниманія къ группировкѣ матеріала, къ отчетливому и ясному выраженію мыслей, къ стилю, вообще формально-литературной отдѣлкѣ сочиненій и даже иногда къ грамматикѣ (синтаксису).

Въ нѣкоторой связи съ только что указаннымъ недостаткомъ стоитъ у г. Боголюбова и несовершенство его полемическихъ приѣмовъ. Иногда, безъ особенной необходимости, онъ слишкомъ подробно и краснорѣчиво излагаетъ мнѣнія противниковъ, вмѣсто того, чтобы въ сжатой формѣ представить ихъ идейное зерно и логическую схему. Такимъ образомъ онъ самъ осложняетъ свою задачу и всякій разъ какъ онъ оказывается не въ силахъ формулировать свой отвѣтъ на возраженія столь же полно и краснорѣчиво, читатель остается съ чувствомъ нецѣльной удовлетворенности (см. напримѣръ, изложеніе и критику взглядовъ Паульсена на цѣлесообразность, стр. 976—993). Въ этомъ видна неопытность начинающаго автора и недостаточно экономичное расходование своихъ силъ. Отмѣчу здѣсь также невыгодно отразившуюся на изслѣдованіи г. Боголюбова его наклонность

ради полноты вводить, на ряду съ крупными и типичными философскими доктринами и мнѣніями, взгляды менѣ значительные и даже совсѣмъ незначительные (см., напримѣръ, разборъ „*монодуализма*“ проф. Грота, стр. 1104—1120). Сочинение выиграло бы въ отчетливости, если бы оно было менѣ загромождено этими вставками.

Только что отмѣченные мною недостатки сочиненія г. Боголюбова,—недостатокъ формально-литературной обработки и излишняя длиннота нѣкоторыхъ отдѣловъ,—могутъ, конечно, послужить для иного читателя камнемъ преткновенія и серьезнымъ испытаніемъ терпѣнія. Но если читатель побѣдитъ эти внѣшнія трудности и, не смущаясь ими, прослѣдитъ мысль автора съ начала и до конца,—его трудъ несомнѣнно будетъ вознагражденъ сторицею. Авторъ даетъ обширный матеріалъ, взятый изъ надежныхъ источниковъ, и хотя не всегда можно согласиться съ предлагаемымъ имъ освѣщеніемъ этого матеріала, однако, даже и въ этихъ случаяхъ нельзя не признать за нимъ заслуги, такъ сказать, подготовительной: онъ дѣлаетъ точный сводъ мнѣній, сопровождаемыхъ обыкновенно мѣткими критическими замѣчаніями, по всѣмъ существеннымъ вопросамъ, входящимъ въ составъ сложнаго понятія о пантеизмѣ и, такимъ образомъ, уравниваетъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ пролагаетъ даже и „новые пути“ будущему изслѣдователю того же предмета.

Я сказалъ, что съ авторомъ не всегда можно согласиться. Говоря это, я разумѣю прежде всего его мнѣніе, по которому пантеизмъ, будто-бы, можетъ быть понятъ въ своемъ существѣ и отличіи отъ теизма *исключительно* съ точки зрѣнія *космологической* проблемы. Мнѣ кажется, задача изслѣдованія должна была бы лежать въ иномъ нѣсколько направленіи: теологическая, онтологическая, этическая и гносеологическая точки зрѣнія на пантеизмъ должны быть *не исключены*, но координированы, поставлены на надлежащее мѣсто и въ надлежащее отношеніе къ космологической. Ибо несомнѣнно, что каждая изъ только что перечисленныхъ проблемъ имѣетъ близкое отношеніе къ пантеизму и такое или иное ихъ отношеніе должно войти въ сложное понятіе о пантеизмѣ въ качествѣ его соопредѣляющихъ моментовъ.

Это, исключительно отрицательное отношеніе автора къ перечисленнымъ точкамъ зрѣнія на пантеизмъ (теологической, онтологической, этической, гносеологической) наложило печать нѣкоторой односторонности на все его изслѣдованіе. Особенно этической и теологической моменты пантеистической системы остались въ изслѣдованіи какъ бы въ тѣни, а, вслѣдствіе этого, и при раскрытіи началъ теизма они выступаютъ не отчетливо и не рельефно. Понятіе о творческо-промыслительной дѣятельности Божества изложено въ сочиненіи и сравнительно кратко, и сравнительно слабо. Это прямое слѣдствіе вышесказанной односторонности.

Впрочемъ, ставить г. Боголюбову этотъ послѣдній недостатокъ въ большую вину было бы несправедливо: ибо задача его сочиненія все-же главнымъ образомъ *критическая*. И такая постановка, по его справедливому замѣчанію, въ значительной мѣрѣ опредѣляется самымъ существомъ предмета изслѣдованія. „Пантеизмъ,—говоритъ онъ,—силенъ, пока онъ стоитъ на неопредѣленной точкѣ зрѣнія, или когда его хотять опровергнуть безъ раскрытія его подлинныхъ основъ. Но какъ скоро обращаютъ вниманіе именно на его основы, онъ тотчасъ отрицаетъ самого себя, уничтожая вмѣстѣ съ тѣмъ и логическую достовѣрность деизма и атомизма, какъ теорій. Поэтому, никто лучше не опровергнетъ пантеизма, какъ онъ самъ и его послѣдователи, и нѣтъ лучшаго руководства къ этому опроверженію, кромѣ сочиненій самихъ пантеистовъ. Пантеизмъ самъ уничтожается, какъ скоро мы приступаемъ къ нему съ цѣлю увидѣть въ немъ истинно-логическое разрѣшеніе жизненнаго вопроса“.

Отвлекаясь отъ только-что указанныхъ недостатковъ и рассматривая сочиненіе г. Боголюбова въ общемъ и цѣломъ, нельзя не признать за нимъ крупныхъ достоинствъ. Прежде всего, понятіе о пантеизмѣ, его видахъ и подвидахъ, авторомъ установлено тщательно и, при устраненіи отмѣченной выше односторонности (недостаточное вниманіе къ этическому и теологическому моментамъ), могло бы войти въ современное философско-богословское сознаніе, въ качествѣ одного изъ прочныхъ приобрѣтеній; а равно и возраженія, высказанныя противъ пантеизма, поставлены вѣско и основательно,—по существу вопроса, а не по его случайнымъ историческимъ формамъ,—чѣмъ, въ свою очередь, съ достаточною ясностью